

А.И. Экимов*

О «ПРАВОВОМ ПОЛЕ» И «САМОЦЕННОСТИ ПРАВА»

Одна из проблем любой науки – формирование понятийного аппарата, позволяющего адекватно отражать изучаемые ею явления. И поскольку процесс познания явлений бесконечный, то столь же неограниченным во времени является процесс формирования и уточнения понятий. Это в полной мере характерно и для отечественной науки теории государства и права, ведущей свой отсчет от «Лекций по общей теории права» (1886 г.) Н.М. Коркунова.

За последние годы в юридической науке появилось немало новых понятий, содержание которых не подвергалось специальному научному обсуждению, так как их смысл всем казался очевидным, само собой разумеющимся. Остановимся на некоторых из них.

В постсоветский период в широкое словоупотребление вошло понятие «правовое поле». Неплохо бы разобраться со смыслом этого понятия, с вопросом, кто и какими «семенами» засеивает это «поле» и что вырастает на нем. Надо думать, что образное выражение «правовое поле» предполагает, что «семена» на нем – это правовые идеи, правовые принципы, правовые аксиомы и правовые нормы в различных конфигурациях и различных сочетаниях. Правда, сразу же возникает вопрос, о каком праве речь идет, когда говорят о правовом поле – праве в широком или узком смысле. А может быть и о том, и о другом? Если речь идет о праве в широком смысле, то правовое поле здесь имеет место только в виде правовых идей, правовых принципов и правовых аксиом. Деятельность на этом правовом поле выступает как разного рода операции с ними. Не таким образом характеризуется правовое поле, когда речь идет о праве в узком смысле? В этом случае правовое поле составляют, прежде всего, нормы права, которые не «работают» вне зоны действия правовых принципов и аксиом. В силу последнего фактора толкование норм права невозможно вне контекста правовых принципов и аксиом. «Чистой правовой нормы», которая не

---

* **Экимов А.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист РФ.

связана с правовыми принципами, аксиомами не бывает. Под их влиянием, а равно под воздействием других правовых норм конкретная правовая норма и получает свое действительное бытие. Именно поэтому на правовом поле иногда появляются совершенно другие «растения», чем те, которые имелись в виду. Кстати, некоторые политические деятели говорят не о «правовом поле», а о «правовой поляне». Что имеется в виду под «правовой поляной», вообще остается загадкой.

Не так уж редко приходится слышать выражения типа «не выходить за пределы правового поля», «оставаться в правовом поле» и т.д. О чем в этих случаях идет речь? Чаще всего правовое поле в этом случае отождествляется с соответствующими правовыми принципами и аксиомами. Но сложилось и другое толкование этого понятия, когда оно используется для описания механизма правового регулирования, охватывающего не только юридические нормы, но правоотношения, правоприменительные акты. Кроме того, можно говорить и о социологической трактовке этого понятия, которая рассматривает правовое поле как своего рода социальную систему, где взаимодействуют, сталкиваются, пересекаются интересы множества людей и вырабатываются правила их поведения. И поскольку интересы людей разнообразны и противоречивы, то нормы призваны упорядочить поведение людей путем навязывания всем участникам правоотношений единых стандартов поведения. С социологических позиций правовое поле – это механизм согласования при непосредственном или косвенном участии государства интересов (или подчинения интересов одних социальных групп интересам других социальных групп) во имя обеспечения самосохранения соответствующего общества. В этой социологической трактовке правовое поле – это лишь те общественные отношения, которые урегулированы правовыми нормами, правовыми принципами и правовыми аксиомами. И если с помощью последних невозможно решить правовую проблему, тогда говорят, что она находится за рамками правового поля.

Еще один вопрос – о правомерности использования понятия «самоценность права», на котором акцентируют внимание некоторые юристы (С.С. Алексеев, В.П. Малахов, Л.И. Загорская). Вводя это понятие, они исходят, видимо, из идеи «повысить» значимость права в жизни общества, показать его роль, отличную от других

социальных регуляторов. Однако решая вопрос о том, обладает ли право самоценностью или не обладает, нельзя игнорировать тот смысл, который обычно вкладывают в понятие самоценности вообще. Что такое самоценность? Это ценность лишь для самого себя. Антропоцентрическое видение мира допускает, что самоценностью вправе себя считать человек. Чаще всего принято говорить о самоценности человека как о его значимости для самого себя. С этих позиций самоценность – это своего рода психологический фактор, который характеризует то, что происходит внутри невидимого для других душевного мира человека. Но с такой позиции невозможно артикулировать положение о самоценности права, не представляя его в виде «живого, одушевленного права» с некими присущими только ему ощущениями.

В принципе, конечно, о самоценности можно говорить по отношению не только к человеку, но и к любому живому существу, если оно способно, познавая окружающий мир, создавать «образ» самого себя. Нередко современные специалисты наделяют сознанием животный мир, а некоторые – даже растительный мир. Если бы такое явление действительно имело место, тогда можно было бы говорить о самоценности животных и растительного мира. Еще дальше идут умозаключения писателей-фантастов, наделяющих разумом роботы, нашу планету и даже космос. В этом случае тоже логично было бы рассуждать об их самоценности. Применительно к роботам такая идея была озвучена еще в начале XIX в. английской писательницей Мэри Шелли в ее всемирно известном романе «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Кстати, в художественной литературе идея о самоценности оживленной материи достаточно популярна. Вполне соответствует идее самоценности мифическая история Древнего Египта об умершем боге Озирисе, который был способен к оживлению. Но что касается права, по крайней мере, в его позитивистской трактовке, то идея о его самоценности – это не более, чем фигура речи. О практической пользе этой идеи приходится говорить ровно в той степени, в которой речь шла об идее «искусство для искусства». А вот вредоносные последствия идеи о самоценности права, если ее проводить последовательно, а не только декларировать, вполне реальны. Тогда правовой массив должен наполниться бесчисленным множеством правовых норм, инструментальная польза от ко-

торых весьма сомнительна. Абсолютизация идеи самоценности права, понимаемого в позитивистской трактовке, далеко уведет и от «светлой идеи» создания правового государства. Ведь не для самого же себя создается правовое государство. Иногда и власть называют самоценностью. Полагаю, что в этом отношении особняком стоит позиция известного советско-российского правоведа С.С. Алексеева, в философском ключе обосновывавшего идею самоценности права¹. Он солидаризировался с мировоззренческим постулатом И. Канта о том, что сама природа, естественные начала жизни человека направляют людей к тому, чтобы осуществить единственно прочное правовое устройство, основанное на принципах свободы. Право, по И. Канту, – это замысел и явление природы, которая не сводится только к вещественно-материальному, механическому миру окружающих нас явлений, предметов. Согласившись с тем, что природа обладает разумом, С.С. Алексеев вполне логично выдвигает идею о самоценности права, которое порождено природой и в которое природа вдохнула свои живительные начала.

В принципе, такую же позицию занимает и В.А. Малахов, хотя, в отличие от С.С. Алексеева, не объявляет себя последователем И.Канта. В.А. Малахов пишет: «В реальной жизни право всегда преследует отдельные цели, навязанные ему религией, моралью, политикой, соображениями целесообразности. Это действительно важное назначение права и его существенная функция. Но если мы не способны в праве увидеть цель, адекватную его собственной сущности, если его ценность сведена к практической пользе и не связывается с осознанием самоценности и привлекательности права, то мы не понимаем сущности права. Принцип самоценности права предусматривает, чтобы выходные, фундаментальные ценности, которые реализуются в праве, находились в нем самом, чтобы реализация правовых идеалов, правовых способов бытия признавалась самостоятельной целью духовной и практической жизни человека»². Согласимся с тем, что такая интерпретация самоценности права не укладывается в общепринятое понятие само-

---

¹ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на Земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 34 и сл.

² Малахов В.А. Философия права. М., 2002. С. 98.

ценности. Автор считает, что тот, кто не осознает самоценность права, тот не понимает сущности права. Это достаточно спорное положение, если оно вообще хотя бы в какой-то степени приемлемо. Инструменталистские концепции права ничуть не принижают его роли в обществе, но они позволяют четко уяснить, каким целям служит право в том или ином обществе, что именно можно достигнуть с его помощью. Да и вряд ли «реализация правовых идеалов, правовых способов бытия» должна становиться самостоятельной целью духовной и практической жизни человека. Именно сам человек, а не правовые идеалы и правовые способы бытия находятся в центре общественной жизни. Недаром в недалеком прошлом в нашей стране имели влияние теории об отмирании права. Полагаем, что абсолютизация роли права в жизни общества не менее опасна, чем его игнорирование.

Ученые-юристы, которые пишут о самоценности права и при этом не разделяют мировоззренческие установки кантовской философии, нередко отождествляют это понятие с понятием ценности права. Но тогда становится вовсе бессмысленным употребление двух понятий для обозначения одного и того же. В действительности право обладает только инструментальной ценностью и всегда выступает лишь в качестве «рукотворного» средства достижения человеческих целей, плохих или хороших.

Д. Ролз выдвинул, в отличие от других ученых, по существу, новую концепцию понимания ценности права, вследствие чего и проблема так называемой самоценности права получила у него новое звучание. Дело в том, что Д. Ролз рассматривает ценностную оценку права через призму защищаемых им прав и свобод³. И это верно, поскольку право не выступает в конкретных общественных отношениях как нечто целое. Оно в сознании людей присутствует в виде прав и свобод, правовых идей, правовых принципов и правовых аксиом. Остановившись на правах и свободах людей, Д. Ролз обосновывает идею справедливой ценности прав и свобод. В идеале, рассуждает ученый, все люди со сходными способностями и мотивацией должны иметь равные шансы. Но вовсе не так обстоит на деле, когда те, кто имеет большие личные средства, могут использовать свои преимущества при реализации прав и

---

³ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 202.

свобод. Так, люди, находящиеся в лучшем положении, способны оказывать большее влияние на ход законодательного процесса, чем те, у которых положение значительно хуже. Для сохранения справедливой ценности прав и свобод, полагает Д. Ролз, должны быть приняты меры компенсации. Например, в обществе, допускающем частную собственность на средства производства, «должно сохраняться широкое распределение собственности и богатства...»⁴.

Признание справедливыми прав и свобод объединяет людей в их взглядах на общественные проблемы. Но разные возможности людей в отношении реального использования ими своих прав и свобод порождают недоверие к праву, игнорирование его ценности. И тогда для сохранения ценности прав и свобод появляется, как отмечает Д. Ролз, необходимость в соответствующих мерах компенсации⁵. Ученый подчеркивает, что одним из главных недостатков конституционного правления была неспособность обеспечить справедливую ценность политической свободы.

Подлинная ценность права раскрывается лишь тогда, когда оно становится средством для утверждения справедливых и гуманных начал во взаимоотношениях личности и власти. С одной стороны, оно должно уберечь людей от неправильного поведения (правовые запреты), а с другой стороны – стимулировать поведение, в котором заинтересованы коллективы, все человеческое сообщество (правовые предписания, дозволения). Как отмечает В.Г. Графский, «реализация ценностных свойств (стандартов) права возможна только при надлежащем использовании его инструментальных потенциалов, которые зафиксированы в обычаях, тексте закона, судебном ритуале. Именно благодаря солидарному содействию права с моралью, обычаями и традициями частно-семейной или публичной жизни становится возможным длительное существование ценностных ориентаций в праве и социальной деятельности индивидов, таких как справедливость, свобода, равенство, человеческое достоинство и др.»⁶. При такой ситуации

---

⁴ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск. 1995. С. 202.

⁵ Там же.

⁶ Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 79–87.

о самоценности права, как и любого иного средства, созданного человеком для достижения своих целей, говорить совершенно беспредметно.